

В.Г.Колотушкин

ВЛИЯНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА БЫТ ЛЕНИНГРАДСКИХ ПАРТИЗАН

Рассматриваются брачно-семейные отношения участников партизанского движения на территории Ленинградской области. Для людей, воюющих за линией фронта, большое значение имело сохранение письменной связи с семьями, эвакуированными в советский тыл. Некоторые партизаны выезжали к семьям. Заработная плата народных мстителей перечислялась членам семьи как форма материальной поддержки. В этих условиях было важным подтверждение участия в партизанском движении. Если семья партизана оставалась на оккупированной территории, захватчики занимались ее поиском с целью уничтожения или шантажа. Ключевым фактором партизанского движения сопротивления стала месть, но партизаны также принимали активные меры к спасению своих семей и семей своих товарищей по борьбе.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Ленинградская область, партизанское движение, семья, письма партизан, заработная плата партизан, месть

75 лет назад Ленинградская область была освобождена от гитлеровских захватчиков и их союзников. В Ленинграде прошел парад партизан, воевавших в тылу врага. В изданиях советского и постсоветского времени получили широкое освещение организация партизанского движения, боевая и пропагандистская деятельность партизан в тылу гитлеровских войск. В то же время объективное изучение истории войны невозможно без внимательного исследования особенностей повседневного поведения партизан, их быта, адаптации к условиям жизни как в тылу противника, так и в советском тылу.

Семейный фактор в партизанском движении включает в себя отношения партизан с членами своих семей и их влияние на личное участие в борьбе с врагом. Архивные документы и воспоминания показывают, что забота о семье оставалась одной из главных забот для многих партизан. Отношения с семьей могли повлиять на уход партизана (и даже командира) из отряда или группы, стремление оградить свою семью от опасности — на изменение места действия отряда.

Личная жизнь партизан получила наибольшее освещение в архивных документах и воспоминаниях участников партизанского движения, как опубликованных, так и еще не введенных в научный оборот. Наибольший интерес для исследователей данной проблемы представляют переписка партизан с родными, советскими и партийными органами в связи с установлением судьбы или разрешением проблем своей семьи; донесения и акты о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков в отношении партизанских семей; справки и ведомости о начислении и переводе заработной платы партизан и пособий членам семьи. Следует учитывать, что личная жизнь партизан находилась в сфере внимания партийного аппарата, как в советском тылу, так и в партизанских формированиях (комиссары, политотделы). Она получила отражение в документах (протоколы заседаний бюро, троек, политдонесения, характеристики и др.).

Вторжение гитлеровцев в Советский Союз разрушило семьи многих тысяч людей, стало не только тяжелым испытанием для страны, но и привело к множеству личных трагедий. В борьбе с партизанами захватчики не останавливались ни перед чем: как семьи партизан, так и семьи тех, кто подозревался в помощи партизанам, брались в заложники и подвергались репрессиям на основании распоряжений и приказов оккупационных властей [1, с. 269-270].

Французская исследовательница М.Церович справедливо указывает, что «подавляющее большинство мужчин, которые вступали в партизаны, действовали, чтобы спасти свою жизнь, честь, семью, и отомстить врагу» [2, с. 518]. Но, как отмечали участники партизанского движения, чувство ненависти к захватчикам пришло со временем: «В те первые месяцы войны мы еще не знали, что будут Освенцим, Маутхаузен, Бабий Яр. И что на лужской земле возникнут фашистские концентрационные лагеря. Поэтому еще не было у нас той жгучей, страшной ненависти к врагу, какая пришла позже. Но уже обострилось чувство ответственности. Твоей собственной, личной. И как результат — жажда действий» [3, с. 44].

Партизаны действовали более осмотрительно, если их семьи находились на оккупированной территории. Бойцы Поддорского партизанского отряда К.П.Мирошниченко поначалу избегали «своих» деревень, чтобы не быть выданными — снабжаться приходилось в «чужих» деревнях, заброшенных в глухих лесах, и поселках лесорубов [4, с. 16]. В Лужском отряде С.М.Макарова «партизанили “старички” умно, осторожно: чтобы не подвергать риску свои семьи, уходили на задания подальше от родных деревень» [3, с. 86].

Но уберечь родных на оккупированной территории было очень трудно. Против лужского отряда Н.А.Панова уже в сентябре 1941 г. была послана хорошо вооруженная рота гитлеровцев. После отступления отряда в глубь леса каратели обрушились на жителей д. Пустынь, Сабцы, Дарьино, Уус-элу, разорили несколько домов, расстреляли трех колхозников, увели 15 человек заложниками, зверски убили девушку, заподозрив ее в связи с партизанами [3, с. 85]. В том же районе были расстреляны семьи командиров партизанских отрядов И.А.Маркова [3, с. 95-96], М.В.Романова, брата М.В.Романова Ивана, который тоже был в отряде. Родственники М.В.Романова были взяты в заложники под угрозой расстрела. «Партизаны по опыту знали, что это ловушка: будут расстреляны и сдавшиеся бойцы, и их семьи. Романов, понимая, что ничем не

сможет помочь родным, ответил отказом. Фашистские изверги привели свою угрозу в исполнение, а затем сожгли дома патриотов» [5, с. 28].

Зачастую выявлять семьи партизан гитлеровцам помогали предатели: в Поддорье, по воспоминаниям партизан, таким доносчиком стал Василий Баранов, поставленный старостой: «Он вместе с женой шпионил, распространял провокационные слухи, выдавал врагу семьи коммунистов, красноармейцев и партизан» [4, с. 40]. В Малой Вишере предатель Василий Романов «водил немцев по квартирам ушедших людей в партизанский отряд», а при освобождении Малой Вишеры ушел с немцами [6, л. 12].

Семьи партизан подвергались опасности также на территории Партизанского края. 1 июля 1942 г. немецкие самолеты, летевшие по направлению к Старой Руссе, развернулись и стали бомбить д. Краснодубье, где в это время находилась Белебёлковская оргтрояка. При бомбежке погибло 12 партизан и 13 мирных жителей, в том числе жена партизана И.А.Иванова Вера Михайловна, ее 8-месячный сын Володя получил ранение [7, л. 7-8].

Злодеяния гитлеровских захватчиков являлись материалом для советской пропаганды, которая была направлена на личные чувства партизан, называла их мстителями за горе народа в тылу врага. Уже в первый год войны синонимом слова «партизан» стало словосочетание «народный мститель», которое в дальнейшем широко использовалось. Во 2-й (с февраля 1942 г.) и 5-й Ленинградских партизанских бригадах (ЛПБ) (с сентября 1943 г.) выходили газеты «Народный мститель» и «Партизанская месть» [1, с. 260], в 1942 г. в Молвотицком районе был сформирован отряд «Народный мститель» [8, л. 43об.-44].

9 июля 1942 г. командир 3-й ЛПБ А.В.Герман писал жене (бригада в это время находилась на формировании в Калининской области): «Я видел фашистов в звериной шкуре, в роли “молодца”, когда он издевается над мирным населением [...]. Я помнил, что у меня есть жена, есть ребенок, за моей спиной советские честные люди, я должен их защищать. [...] Мы заставили фашистов трепетать при упоминании слова “партизан”» [9, с. 264].

М.Церович отмечает, что данные советской пропаганды о преступлениях нацизма не были необходимы партизанам («они не нуждались ни в каком Эренбурге») — народные мстители сами являлись первыми свидетелями бесчинств оккупантов [2, с. 518-519]. Но, как показывают воспоминания и документы, партизаны осмысленно относились к образу врага, отделяя немецкую нацию от нацизма (это же подчеркивалось еще в радиообращении И.В.Сталина от 3 июля 1941 г.). Герой Советского Союза И.И.Сергунин писал: «Помню, жаркие споры вспыхивали вокруг заголовка опубликованной в «Правде» статьи Ильи Эренбурга “Убей немца!” (речь идет о статье И.Г.Эренбурга “Убей” в газете “Красная звезда” от 24 июля 1942 г. — В.К.). Одни утверждали, что заглавие четко и верно выражает наши сегодняшние цели. Другие — в их числе были Григорьев (С.У.Григорьев — В.К.) и я — сомневались в удачности заголовка, находили его двусмысленным. В самом деле, советские люди воюют не против немцев как нации, а против озверелых фашистов, их идеологии, их «нового порядка», за сохранение завоеваний Октябрьской революции» [10, с. 164]. При этом сам И.И.Сергунин имел личный счет к гитлеровцам: в июне 1942 г. в письмах от жены он узнал о гибели дочери, смертельно раненной в перестрелке с группой прорвавшихся в Новороссийск немцев [10, с. 190].

Будучи зачисленным в партизанский отряд, каждый делал трудный внутренний выбор — остаться с семьей или товарищами по борьбе. Когда бюро районных и городских комитетов ВКП(б) в военное и послевоенное время рассматривали дела коммунистов, оставшихся на оккупированной территории или ушедших из отряда, многие объясняли поступок заботой о семье или ее поисками. При этом избежать партийного взыскания за бездействие в тылу врага по «семейной» причине могли только женщины-коммунистки.

Секретарь Чудовского горсовета А.И.Пантюхов, давший согласие пойти в партизанский отряд, на второй день отказался на основании того, что «дома подняли шум». Решением бюро райкома ВКП(б) от 2 августа 1941 г. он был исключен из кандидатов в члены ВКП(б) [11, л. 18]. Бывший секретарь парторганизации ст. Мясной Бор Н.Г.Лукин, оставшийся в немецком тылу, в 1944 г. сообщал, что «указание партии я знал, а также читал речь тов. Сталина от 3/VII-41 г. С коммунистами Сергеевым и Ефимовым мы эти указания обсуждали, но все же решили остаться в немецком тылу» [12, л. 2]. Свое решение остаться в тылу противника он объяснял страхом потерять семью, а с ней переходить линию фронта не решился. Страхом за семью объяснял пассивность в немецком тылу бывший председатель колхоза «Селищи» Видогощского сельсовета Новгородского района П.П.Захаров, зачисленный в августе 1941 г. в истребительный отряд [13, л. 31-32]. В справке заведующего военным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) (ЛОК) М.Ф.Алексеева, составленной в начале августа 1941 г., отмечалось, что отряды Земского и Крякова (Плюсский район) просто жили в лесу с семьями [14, л. 10].

2 сентября 1941 г., через две недели после оккупации Новгорода, партизаны В.И.Кожевников и В.И.Филиппов, отставшие от своей группы, получили в новгородской комендатуре пропуск на розыск своих семей: первый мог идти до д. Мясной Бор, второй — до д. Красноборье [15, л. 24]. Видимо, оккупанты рассчитывали, что, воссоединившись с семьями, оба осядут в немецком тылу. Но партизаны перешли линию фронта и вышли в советский тыл.

Большое значение для партизан имело сохранение связи с семьями, эвакуированными в советский тыл. Партизанам трудно было установить связь с родными, хотя личная корреспонденция авиацией доставлялась даже в немецкий тыл. В декабре 1941 г. при перечислении проступков командира 7-й Маловишерской ПБ

В.Ф.Котова уполномоченный Штаба партизанского движения при ЛОК П.Р.Шевердалкин указывал, что он по два-три месяца задерживал у себя письма под предлогом цензуры, лишая партизан известий от родных [16, с. 167].

И.И.Сергунин только в апреле 1942 г., после выхода 2-й особой ПБ в советский тыл, сообщил о себе отцу и с июня 1942 г. смог установить более или менее регулярную связь с женой и сыном, которые считали его погибшим [10, с. 191].

В некоторых случаях партизанам после выхода в советский тыл предоставлялись месячные отпуска для поездки к родным. Отпуск мог быть формой поощрения за выполнение сложного задания [3, с. 210].

Для поддержки семей партизан в советской тылу им выплачивались пособия. Сначала оперативный отдел, а с 1942 г. — 4-й отдел (кадров) Ленинградского штаба партизанского движения выдавали семьям партизан справки установленной формы, которые предоставлялись в местные органы социального обеспечения для получения зарплаты партизан на основании постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 27 августа 1941 № 2010 г. «О денежном обеспечении лиц, вступивших в партизанские отряды и их семей». Размер зарплаты зависел от последнего места работы партизана — организация или учреждение продолжали выплачивать ее семье ушедшего в тыл работника. Партизаны отрядов, находящихся в советском тылу, получали зарплату на руки — так, Новгородский отряд Б.Д.Талантова посылал бойцов в Тихвин и Боровичи, где базировались многие новгородские организации, за зарплатой состоящих в отряде партизан [17, л. 25].

С апреля 1942 г. на основании постановления Государственного Комитета Обороны СССР от 9 апреля 1942 г. № 1567с «О порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО» рабочим и служащим государственных предприятий, учреждений, кооперативных и общественных организаций, учащимся, состоящим в партизанских отрядах, было установлено пособие в размере их среднего заработка по месту прежней работы. Семьям партизан, не имевших заработка ко дню вступления в отряды, а также семьям партизан-колхозников и свободных профессий пособие выплачивалось в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты и пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время».

Согласно постановлению ГКО СССР от 9 апреля 1942 г., пособия за партизан местных отрядов начислялись на основании списков, заверенных подписью секретаря райкома или горкома ВКП(б). В 1942 г. ЛОК неоднократно обращался в парткомы с требованием представить списки на своих партизан. В списке указывались фамилия, имя, отчество, год рождения, партийность, место работы, должность, средний заработок партизана, адрес, фамилия, инициалы члена семьи, получающего пособие, сведения о месте нахождения партизана на дату составления списка.

В любое время и в любом месте мысли партизан были заняты судьбой родных — об этом свидетельствуют их письма. Первый секретарь Лужского райкома ВКП(б) И.Д.Дмитриев вспоминал, что после выхода из тыла врага весной 1942 г. партизаны его отряда каждый день ходили на почту в Малой Вишере, ожидая писем [3, с. 203]. В 1941 г. руководитель сводной группы старорусских отрядов, первый секретарь Старорусского райкома ВКП(б) С.М.Глебов озабоченно писал жене, выехавшей в Татарскую АССР: «Сообщаю, что написал письмо в обком, будут высылать деньги по твоему адресу. Ты напиши насчет Военного налога, его высчитывают каждый месяц. Ты пишешь насчет квартиры. Обратись за помощью в Райком ВКП(б) — к первому секретарю РК ВКП(б) и скажи, чья семья. Они помогут» [9, с. 264]. В августе 1942 г. боец Лычковского отряда Ф.А.Бойцов просил свой райком ВКП(б) оказать содействие жене в получении и переводе его зарплаты за пять месяцев из райпотребсоюза [16, с. 65].

Семьи многих партизан из числа руководящих работников проживали в северо-восточных районах Ленинградской области (Мошенском, Пестовском и др.) — благодаря этому сохранялась возможность не только письменного, но и личного общения, а при первой возможности семьи воссоединялись. В июле 1943 г. семья первого секретаря Поддорского райкома ВКП(б) Г.П.Ермакова, проживавшая в числе других семей руководящих работников из Поддорского и Белебёлковского районов в Мошенском районе, выбыла обратно в Поддорский район.

Особая страница истории партизанского движения — создание партизанских семей. Трудности борьбы во вражеском тылу, которые приходилось разделять не один месяц, сплачивали людей. Здесь, перед лицом постоянной опасности, человек мог проявить лучшие качества своей души. И.Д.Дмитриев писал, что в лужском отряде М.В.Романова были молодожены: участковый милиционер Галыгин и Маруся Трофимова, которые поженились перед уходом в партизаны «назло Гитлеру» и чтобы не разлучаться [3, с. 71].

Свадьбы игрались и в партизанских отрядах. В феврале 1942 г. командиру отряда «Будённовец» 2-й ЛПБ Н.А.Рачкову поступило заявление с просьбой разрешить брак командира роты Н.И.Синельникова и медсестры М.В.Васильевой. Согласие обеих сторон было подтверждено подписями, а разрешение оформлено приказом. «На партизанской свадьбе всё было, как до войны: накрытый стол, поздравления молодым» (отряд в это время базировался в Партизанском крае) [18, с. 60]. В 1944 г. заключили брак С.Н. и Н.А.Чебыкины — они познакомились в 1942 г., вместе воевали в 3-м полку 5-й ЛПБ — Сергей Никитович командиром полка, Нина Александровна разведчицей и медсестрой.

В партизанских отрядах завязались и окрепли отношения будущих супругов — партизан Пестовского отряда, а затем 5-й ЛПБ первого формирования А.А.Павлова и Е.В.Докучаевой, А.М.Никитина и З.В.Мироновой, воевавших в 3-й ЛПБ им. А.В.Германа К.В.Гвоздева и Н.Н.Зиновьевой и других.

Несмотря на невозможность нормального семейного быта в условиях войны, особенно войны на оккупированной территории, семейные отношения продолжали присутствовать в жизни партизан. Даже через линию фронта партизаны активно обменивались письмами с родными — такая переписка была формой поддержки корреспондентов. Зачастую партизанам приходилось делать выбор между личным и общим, и каждый по-своему обосновывал этот выбор. В любом случае партизаны очень дорожили своими семьями [19, с. 301].

Горькой реальностью войны стала гибель партизанских семей в тылу врага. Не в состоянии уберечь родных, партизаны мстили гитлеровцам — месть нашла отражение, как в личных документах партизан, так и в идеологии. Но далеко не все партизаны принимали фанатичную, беспощадную ненависть к захватчикам и их пособникам. Несмотря на все свои страдания и потери, они были выше этого.

1. Асташкин Д.Ю., Ковалёв Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России. Оккупация. Сопротивление. Возмездие. / Под ред. Б.Н.Ковалёва. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та., 2018. 420 с.
2. Маленький человек и большая война в истории России: середина XIX — середина XX в.: Материалы международного colloquiuma (Санкт-Петербург, 17—20 июня 2013 г.). СПб.: Нестор-история, 2014. 572 с.
3. Дмитриев И.Д. Записки товарища Д. Л.: Лениздат, 1969. 440 с.
4. Абрамов М.Г. На земле опаленной. Страницы из дневников партизана. Л.: Лениздат, 1968. 352 с.
5. Самухин В.П. Волховские партизаны. Рассказ о борьбе ленинградских партизан в полосе Волховского фронта. Л.: Лениздат, 1969. 269 с.
6. Государственный архив новейшей истории Новгородской области (ГАНИНО). Ф. 176. Оп. 4. Д. 8.
7. ГАНИНО. Ф. 1667. Оп. 2. Д. 37.
8. ГАНИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 201.
9. Письма огненных лет. Сборник писем военных лет из собрания музея Северо-Западного фронта г. Старая Русса / Авт.-сост. А.Ф.Иванова. Великий Новгород: Печатный двор «Великий Новгород», 2015. 416 с.
10. Сергунин И.И. Давали клятву партизаны. Л.: Лениздат, 1985. 382 с.
11. ГАНИНО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 811.
12. ГАНИНО. Ф. 135. Оп. 3. Д. 13.
13. ГАНИНО. Ф. 135. Оп. 3. Д. 28.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. О-116. Оп. 8. Д. 10.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 348.
16. Из истории организации партизанского движения на новгородской земле в 1941—1945 годах: Сборник документов / Сост., отв. ред. В.Г.Колотушкин. Великий Новгород, 2017. 214 с.
17. ЦГАИПД СПб. Ф. О-116. Оп. 1. Д. 350.
18. Никитенко Н.В. Партизанские комбриги: люди и судьбы. Псков, 2010. 398 с.
19. Литвинова О.Н. Эволюция партизанской этики в годы Великой Отечественной войны (по материалам Брянщины) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 297-302.

References

1. Astashkin D.Yu., Kovalev B.N., Kulik S.V. Nazistskiy reshim na Severo-Zapade Rossii. Okkupaziya. Soprotivlenie. Vozmezdnie [The Nazi regime in the North-West of Russia. Occupation. Resistance. Retribution]. Saint Petersburg, Polytechnic University Publ., 2018. 420 p.
2. Malen'kiy chelovek i bol'shaya vojna v istorii Rossii: seredina XIX — seredina XX v. [A small man and a big war in the history of Russia: the middle of the XIX — the middle of the XX century: Materials of the international colloquium (St. Petersburg, June 17-20, 2013)]. St. Petersburg, Nestor-history Publ., 2014. 572 p.
3. Dmitriev I.D. Zapiski tovarishcha D. [Notes by Comrade D.]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1969. 440 p.
4. Abramov M.G. Na zemle opalennoy. Stranitsy iz dnevnikov partizana [On scorched ground. Pages from the partisan diaries]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1968. 352 p.
5. Samukhin V.P. Volkhovskie partizany. Rasskaz o bor'be leningradskih partizan v polose Volkhovskogo fronta [Volkhov partisans. The story of the battle of the Leningrad partisans in the Volkhov Front]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1969. 269 p.
6. State archive of the recent history in Novgorod region (GANINO). H. 176. Inv. 4. R. 8.
7. GANINO. H. 1667. Inv. 2. R. 37.
8. GANINO. H. 260. Inv. 1. R. 201.
9. Ivanova A.F., comp. Pis'ma ognennykh let. Sbornik pisem voennykh let iz sobraniya miseya Severo-Zapadnogo fronta g. Staraya Russa [Letters of ardent years. A collection of letters from the war years from the collection of the Museum of the North-Western Front in Staraya Russa]. Velikiy Novgorod, Pechatny dvor Velikiy Novgorod Publ., 2015. 416 p.
10. Sergunin I.I. Davali klyatvu partizany [The partisans took the oath]. Leningrad, Lenizdat Publ., 1985. 382 p.
11. GANINO. H. 176. Inv. 1. R. 811.
12. GANINO. H. 135. Inv. 3. R. 13.
13. GANINO. H. 135. Inv. 3. R. 28.
14. The central state archive of historical-political documents in Saint Petersburg (TSGAIPD St. P.). H. O-116. Inv. 8. R. 10.
15. TSGAIPD St. P. H. O-116. Inv. 1. R. 348.
16. Kolotushkin V.G., comp., resp. ed. Iz istorii organizatsii partizanskogo dvizheniya na novgorodskoy zemle v 1941—1945 godah [From the history of the organization of the partisan movement on the Novgorod land in 1941—1945]: Sbornik dokumentov. Velikiy Novgorod, 2017. 214 p.
17. TSGAIPD St. P. H. O-116. Inv. 1. R. 350.
18. Nikitenko N.V. Partizanskie kombrigi: lyudi i sud'by [Partisan brigade commanders: people and destinies]. Pskov, 2010. 398 p.
19. Litvinova O.N. Evolutsia partizanskoy etiki v gody Velikoy Otechestvennoy vojny (po materialam Bryanskoy oblasti) [Evolution of the Partisan Ethics in the Great Patriotic War (on the sources of the Bryansk region)]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik, 2016, no. 1, pp. 297-302.

Kolotushkin V.G. The influence of marital and family relations on the Leningrad partisans' life. The article discusses the marital and family relations of the participants of the partisan movement on the territory of the Leningrad district. For people fighting over the front line, the preservation of the written communication with the families evacuated to the Soviet rear was of great importance. Some partisans would go to their families. The vigilantes' wages were transferred to the families as a form of material support. In these conditions, it was important to confirm participation in the partisan movement. If the partisan's family remained on the occupied territory, the invaders were engaged in the search for them with the purpose of destruction or blackmail. Revenge became the key factor of the partisan movement, but the partisans also took steps to save their families and the families of other partisans.

Keywords: World War II, Leningrad region, partisan movement, family, letters from partisans, partisans' wages, revenge.

Сведения об авторе. Валерий Геннадьевич Колотушкин — заведующий отделом использования документов; Государственный архив новейшей истории Новгородской области; vgk85@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 01.03.2019.